

Этот Конец света стал бедой не только для Китая, а охватил всю страну. Такие островные государства, как Япония, где на небольшой территории жило слишком много людей, приняли на себя и вовсе сокрушительный удар: не успели еще толком объявиться зомби, как в самом начале Конца света небывалое доселе цунами затопило половину той островной страны.

В Конец света все прежние правила рухнули, правительство превратилось в пустой звук. Япония — страна крайне своеобразная: ее народ не отличается высоким ростом, но в глубине души кровожаден, жесток и преисполнен агрессии.

Еще на заре Конца света некоторые амбициозные безумцы положили глаз на Китай — просторную, богатую ресурсами страну, соседствовавшую с ними на протяжении тысячелетий. Разделившись на несколько отрядов, они тайком высадились в прибрежных городах и в последующие годы развивали там скрытую деятельность. К тому времени, когда власти в Цзинчэне обратили на них внимание, те уже успели превратиться в немалую силу.

Цзинчэн несколько раз отправлял людей на их подавление, но каждый раз карательные отряды погибали в полном составе. Воспользовавшись тем, что различные фракции в Цзинчэне вели междоусобную борьбу, эти японцы даже сунули нос куда не просят, отчего у людей на севере стало еще меньше возможностей уделять внимание югу.

В последующие годы японцы удерживали за собой несколько прибрежных городов Китая, и ситуация не изменилась вплоть до самой смерти Шэнь Чэня. Теперь же Е Чунлань возродился в теле Шэнь Чэня, и, испытывая чувство вины перед прежним владельцем тела, он хотел сделать для него всё возможное.

Навязчивой идеей прежнего владельца было величие семьи Шэнь и благополучие его обожаемого старшего брата — чтобы тот жил в безопасности и не был растерзан какими-то мерзавцами до такой степени, что и костей не соберёшь. Е Чунлань не умел плести интриги и замышлять сложносочиненные комбинации, он действовал прямо и грубо: всё, что вставало на пути семьи Шэнь или могло навредить родным прежнего владельца, следовало просто-напросто уничтожить. Именно поэтому он убил Кан Бохуэя, немного пожалев лишь о том, что не отыскал Тан Гаояна, который должен был находиться рядом с ним.

Что же до этих японцев — если бы удалось их перебить, это наверняка принесло бы Шэнь Циню немало политических очков. Таков был его первоначальный замысел.

Однако спустя три дня, когда он постепенно разобрался с обстановкой внутри этой базы, подобные мысли показались пустяком, а первоначальная жажда убийства в три доли возросла до предела.

Эта сволочь заслуживала смерти!

Е Чунлань и Му Цинхуа позволили схватить себя намеренно. Вместе с ними попали в плен еще свыше десятка людей, среди которых были как обычные люди, так и эволюционировавшие. Едва оказавшись на территории базы, их бросили в тускло освещенную лачугу.

Конвоировавшая их шайка японцев удалилась ненадолго, а затем вернулась, приведя с собой другую группу людей. Судя по одежде и манере держаться, те явно стояли на ступень выше.

Вошедшие принялись разглядывать новоприбывших, время от времени перебрасываясь репликами, после чего нескольких женщин увели насильки. Кто-то попытался вмешаться, но смельчака мгновенно избили до полусмерти. Е Чунлань не был глупцом — по их похотливым взглядам нетрудно было догадаться, какая участь ждет этих несчастных.

На тыльной стороне ладони Е Чунланя вздулись вены, но Му Цинхуа крепко прижал его руку. Сейчас было не время поднимать шум и вспугивать добычу.

Му Цинхуа стоял к тем людям спиной, но от этого движения прядь темных волос соскользнула с плеча, обнажая гладкий лоб.

Один из тех, кто уже собирался уходить, внезапно замер. Выпалив какую-то тарабарщину, он подошел прямо к нему.

Му Цинхуа удерживали стражники, и он был вынужден поднять голову, лишенный возможности сопротивляться. Его безупречное лицо истинного красавца заставило те несколько пар глаз, устремленных на него, мгновенно вспыхнуть от изумления. Собеседник с восторженным видом что-то произнес, и лицо Му Цинхуа слегка помрачнело.

Е Чунлань сидел прямо за ним и, заметив это, тихонько спросил:

— Что они говорят?

Му Цинхуа на мгновение умолк, а затем неожиданно улыбнулся, обнажив два ряда белых, как кость, зубов:

— Ты же не хочешь этого знать.

Вроде бы всё звучало как обычно, темным и приглушенным голосом, но от этих слов Е Чунланя невольно пробрала дрожь. А от этой улыбки тот мужчина лишь сильнее потерял рассудок от одержимости. Главарь махнул рукой, и тут же вперед выступил подручный — точно так же, как недавно уволокли тех женщин, он попытался схватить и его. Му Цинхуа приложил усилие, сбросил чуку захват, выпрямился в полный рост и произнес:

— Не нужно, я пойду сам.

После этого он обернулся и сказал слегка встревоженному Е Чунланю:

— Я скоро вернусь.

С этими словами он снова улыбнулся.

Е Чунлань от этого прощального взгляда и улыбки порядком испугался. Интуиция подсказывала ему, что тот человек действительно разозлился, причем разозлился не на шутку.

Он помнил, как старший сородич говорил: кому угодно переходи дорогу, только не ходячей ледяной глыбе, ведь стоит им разгневаться, как ледник мгновенно превратится в вулкан и сожжет тебя дотла!

Лишь когда уходящие скрылись из виду, он постепенно пришел в себя. Уверившись, что тот человек в обиду себя не даст, Е Чунлань принялся осматривать окрестности. Судя по всему, здесь находился далеко не один барак: если судить по низким дверным проемам, комнаты тянулись одна за другой, их насчитывалось больше двух десятков. Обычные люди были связаны веревками, а вот все эволюционировавшие сидели на земле, совершенно сникшие — судя по всему, им вкололи какой-то препарат, так что об их способностях нечего было и мечтать, они даже пошевелиться не могли.

Охранявшие японские солдаты сменялись каждые два часа и не проявляли особого усердия или бдительности, явно не веря, что здешние узники способны сбежать.

Е Чунлань потрепал серьгу в правом ухе, устроился в каком-то углу и прикрыл глаза, погружаясь в медитацию.

Время еще не пришло: ночь — вот лучшее время для убийств и поджогов.

Тем временем Му Цинхуа после того, как его увезли, с комфортом принял ванну, получил новую одежду, а когда облачился в нее, его под конвоем привели на встречу с неким человеком.

Мацусита Томоя, вторая рука в этой базе, с виду казался вполне приличным человеком, но на деле питал слабость к мужчинам. Причем не просто к мужчинам — он любил измываться над ними, и ладно бы только издевался, так ведь еще и обожал перед самыми пытками разыгрывать нежные и романтические спектакли. Не успев опомниться, хотя при виде Му Цинхуа его так и подмывало сорваться, сгорая от желания немедленно затащить его в постель, он внешне всё же упорно изображал благородного мужа. С показной утонченностью пригласив его на роскошный ужин, он затем вывел его на прогулку, чтобы немного походить и развеяться, дабы зародить нужные настроения, и лишь после этого, слегка ускоряя шаг, увёл его в комнату.

Пользуясь тем, что собеседник не понимает по-японски, Мацусита Томоя не стал ничего скрывать и прямо при Му Цинхуа многозначительно отдал приказ: чтобы сегодня ночью никто не смел его беспокоить.

Когда дверь комнаты закрылась, уголки губ Му Цинхуа изогнулись в холодной усмешке: не позволять никому беспокоить? Как раз то, что нужно, ему самому тоже не по душе чьи-либо помехи...

Ночь стояла глубокая и тихая. В ночь Конца света не было ни луны, ни звёзд, что лишь играло на руку тем, кто предпочитает действовать в тени.

С лёгкостью увернувшись от патрульного отряда, Е Чунлань одним движением скользнул вперёд и исчез за окном.

Его ноги только коснулись пола, как в нос ударил резкий запах крови. Сердце сжалось, он применил Стремительное облако, мгновенно переместившись в спальню, и тут же замер на месте, ошеломлённый увиденным.

Му Цинхуа был одет в белые брюки и белую рубашку — чистый и аккуратный, он сидел в

стороне. Совершенно иначе выглядела другая часть комнаты: железная цепь приковывала к татами окровавленного человека. Тот был совершенно голым, на его теле не осталось ни единого целого участка кожи — сплошные следы от кнутов и ножевых ранений. Он всё ещё был в сознании, его глаза широко раскрыты, однако издать хоть звука несчастный не мог.

Е Чунлань сглотнул, тяжело проведя горлом, и заметил разбросанные по всему татами свечи, плети и прочие странные предметы, многие из которых он и вовсе видел впервые.

Глядя на Му Цинхуа, Е Чунлань невольно проникся ещё большим трепетом. Черт побери! Какая жестокость! И правда, эти ледяные глыбы невероятно страшны — ему ни в коем случае нельзя переходить ему дорогу! Му Цинхуа поднялся на ноги и достал из вещевого мешка оружие обоих — на это он объяснил, что у него появилась дополнительная пространственная способность, — вернул Цянье Чаншэн и Тяжелый меч Тайэ их владельцу, а затем произнес: Ты опоздал на десять минут.

Е Чунлань закинул оба меча за спину, почесал затылок и виновато сказал: Прости, чуть не заблудился.

Му Цинхуа кивнул, не стал придираться и сказал: На этой базе шесть сторожевых башен, каждые три минуты сигнал тревоги передается с одного поста на другой. Кроме того, здесь есть шестнадцать скрытых постов. Скрытые постами займусь я, а тех, кто на башнях, бери на себя. Действовать нужно быстро, у тебя есть всего три минуты на передышку.

Е Чунлань цокнул языком: Прошло всего несколько часов, а ты уже всё выяснил!

Му Цинхуа ничего ему не ответил. На самом деле планировку этого места можно было понять, просто взглянув на мини-карту, а вылазка была лишь предлогом, но об этом не стоило распространяться.

Перед уходом Му Цинхуа наконец заметил еще одного человека в комнате. Подумав немного, он сказал Е Чунланю: Убей его.

Е Чунлань не был против, но удивился: Почему ты сам не убьешь? Почему обязательно я?

Я даос.

И что же? — не понял Е Чунлань.

Бедный даос не убивает живые существа, — изрек Му Цинхуа.

Не убивает? Разве даосам из Дворца Чистого Ян запрещено убивать живые существа? К тому же он ведь собрался устранять те скрытые посты, как же он справится без убийств? Е Чунлань совершенно ничего не понял, но собеседник вовсе не собирался ничего объяснять и исчез, применив Великое Легкое Кунфу, оставив ему лишь вид своей удаляющейся спины.

Му Цинхуа и в самом деле не убил ни единого человека. Пусть на дворе Конец света и обогранные кровью руки стали почти обычным делом, для него это всё еще было тяжеловато.

Раз не можешь — не делай, он не собирался принуждать себя к тому, что ему не нравится.

Убивать необязательно, а вот покалечить или ранить вполне можно. Вырезать язык, чтобы не могли звать на помощь, отрубить руки и ноги, чтобы не могли сдвинуться с места — достаточно просто продержаться до ночи, а завтра на рассвете этой базы уже не будет существовать, не говоря уже о них самих.

Двадцать минут спустя они снова встретились. Му Цинхуа привел Е Чунланя к месту, охрана которого казалась еще более суровой, и им пришлось приложить немало усилий, чтобы проникнуть внутрь.

Днем тот японский офицер упоминал об этом месте, кажется, оно очень важное, — ответил он на недоуменный взгляд Е Чунланя.

Му Цинхуа извлек из кармана магнитную карту, которую стянул у Мацуситы Томои. Уровень доступа у карты был высоким, поэтому войти внутрь оказалось несложно. На полпути Е Чунлань вырубил двоих в белых халатах и стянул с них одежду, чтобы переодеться.

Спрятав оружие, убив тех двоих и убрав тела в вещевой мешок Му Цинхуа — поскольку они только что проверили, живые существа в мешок не помещались, так что людей пришлось убить, — Даос и Второй господин заверили друг друга, что оба они — пламенные борцы за мир, которые терпеть не могут убийства и идут на это исключительно по принуждению, правда-правда!

Спустившись на лифте, они прошли весь путь на удивление гладко — никто не заметил в них ничего подозрительного, и оба постепенно догадались, что это, судя по всему, лаборатория.

Они переглянулись и, стараясь держаться незаметно, двинулись вперед. Минуя одну комнату за другой, они воочию увидели истинное лицо лаборатории.

Чем дольше Е Чунлань смотрел, тем сильнее нарастала его жажда убийства — если бы не Му Цинхуа, он бы немедленно разнес эту лабораторию по кирпичику.

Они ставили эксперименты на живых людях!

В этих прозрачных стеклянных сосудах мужчины, женщины, дети и даже эволюционировавшие были накачаны самыми разными вирусами и превращены в жутких монстров, некоторые из которых выглядели куда страшнее зомби снаружи.

Е Чунлань глубоко вздохнул, проходя мимо огромного стеклянного купола, и встретился

взглядом с тем, кто находился внутри.

Это была женщина. На ней не было нитки одежды, лицо ее выглядело совершенно нормальным — миловидное, достойное называться красивым, а распущенные длинные волосы прикрывали пышную грудь. Кожа у нее была белой и гладкой, и если судить только по верхней половине тела, ее можно было счесть весьма привлекательной.

Но у этой прекрасной женщины был чудовищный живот — огромный, намного больше, чем у женщины на седьмом-восьмом месяце беременности. Живот был прозрачным, совсем как стекло снаружи, так что можно было отчетливо разглядеть то, что находилось внутри.

Извивающийся мясной червь свернулся кольцами в ее утробе, а несколько тонких трубок соединяли его с питательным раствором снаружи — зрелище жуткое и отвратительное.

Женщина была жива, в ее глазах еще теплилось сознание, и Е Чунлань отчетливо видел муку и отчаяние, отражавшиеся в этом взгляде.

Прохладная ладонь легла поверх его руки, палец за пальцем разжимая пальцы, которые от напряжения готовы были впиться в ладонь, а затем их пальцы переплелись. Му Цинхуа был куда хладнокровнее и не потерял рассудок даже при виде такой картины.

Когда из крошечного, размером с рисовое зернышко коммуникатора в ухе донеслось сообщение, Е Чунлань наконец улыбнулся — дерзкой, полной убийственного намерения улыбкой, в которой сквозило высокомерное желание растоптать всех под ногами.

Огни в лаборатории погасли. Когда наступила темнота, все механизмы остановились, и вслед за громкими вопросами окружающих раздался звонкий треск раскалывающегося стекла.

Зрение Му Цинхуа не зависело от темноты. Держа меч, он с бесстрастным выражением лица один за другим разбил стеклянные сосуды, в которых томились монстры.

А-а-а! — взвился пронзительный женский вопль, и этот ужасный крик отчаяния прозвучал особенно жутко в кромешной тьме. Мелькнул слабый свет — кто-то включил маленький карманный фонарик, но едва он загорелся, как упал на пол: у его владельца отнялись ноги, и от увиденного зрелища тот рухнул без чувств.

Чавкающие звуки жуткого пережевывания пищи вперемешку с криками ужаса едва не сводили с ума. Му Цинхуа потянул Е Чунланя за собой, быстро отступая назад и оставляя позади адские картины бойни.

Возвращаясь обратно и расправляясь с попадавшимися на пути монстрами и мешавшимися людьми, они выбрались на поверхность и обнаружили, что бой уже в самом разгаре.

Отряд, пришедший с Е Чунланем, состоял из неплохих эволюционировавших. И хотя врагов оказалось немало, внезапное нападение застало их врасплох, и они мгновенно погрузились в хаос.

Нажав на коммуникатор, Е Чунлань отдал пару приказаний, и по всей базе тут же начали взрываться огненные шары. Благодаря помощи обладателя способности ветра эти вспышки пламени быстро распространились, и вся база погрузилась в море огня.

Е Чунлань оглянулся на плотно закрытую дверь и нахмурился: Жаль, у меня нет способности огня, этому месту здесь не место.

Ничего страшного, — спокойно произнес Му Цинхуа. — Главное, что результат один и тот же. На поверхности или под землей — завтра до рассвета от всего этого ничего не останется.

И правда не останется, — Е Чунлань глубоко вздохнул, указал на место, где противники столпились плотным кольцом, и произнес низким голосом: Но прежде чем это случится, лучше разобраться с теми, с кем положено. Что думает Даос?

Му Цинхуа моргнул, приподнял брови и ответил: Бедный даос не убивает живые существа, но я верю в силу Второго господина.

Е Чунлань легко хмыкнул, не стал настаивать и применил Возвращение журавля, с размаху врезавшись в толпу. Золотистая ци меча засияла ослепительным блеском, отражаясь в черно-белых глазах Му Цинхуа. Эту ночь было суждено провести без сна.

<http://bllate.org/book/22147/2307313>